

— Следить... за линиями на ладони? — не удержался Цзян Шинин. По словам Сюэ Сяня, Лу Шицзю был слепым. Как же он мог следить? Да и раньше ему казалось странным: как слепец мог в одиночку отправиться на остров посреди реки? Как он там ориентировался? На ощупь что ли?

Лу Няньци уловил его ударение на слове «следить» и буркнул:

— Для обычных людей он действительно слеп. Но ходит сам, хоть и медленно. Потому что видит то, чего другие не замечают. По его словам — энергию и форму. Звучит как бред, я не вникаю.

Потом спросил у Сюань Миня:

— Что с моими линиями? Он время от времени хватает мою руку, подолгу «смотрит» и водит пальцами по этим полоскам, что-то бормочет. Я уже не выдерживаю. Спрашиваю — говорит, ничего, мол, долгая жизнь, только в юности придется несладко. Хочет посмотреть, насколько несладко.

Цзян Шинин:

— ... Братец у тебя тот ещё.

Но... долгая жизнь?

Сюэ Сянь, глядя на линии ладони, решил, что вообще не понимает, что такое «долголетие»!

У Лу Няньци явно короткая, оборванная судьба. Линия жизни, отвечающая за долголетие, была до неприличия короткой, обрывалась, даже не дойдя до середины ладони. О каком долголетии речь? Дожить до пятнадцати — уже удача. Он молча поднял глаза на лицо Няньци.

Раньше не замечал, а теперь, присмотревшись, увидел: переносица впалая, взгляд несобранный, в глазах какая-то тревожная усталость. На лбу, в зоне судьбы, — россыпь родинок. Тоже знак недолгой жизни и невезухи.

Так как же Лу Шицзю разглядел долголетие?

Впрочем, о таких вещах в лицо не говорят.

Сюэ Сянь молча повернулся к лысому монаху. У того дурная привычка — говорить не подумав. Если ляпнет что-нибудь вроде «ты скоро умрёшь», этот сорванец может и в обморок грохнуться.

Но монах, словно прозрев, вдруг проявил такт. Спросил для начала:

— Пятнадцать тебе?

Лу Няньци:

— Угу.

Сюань Минь кивнул:

— В этом году будь осторожен на улице.

Сюэ Сянь молча посмотрел на небо. Солнце с запада взошло? Или монах чего не того съел?

Лу Няньци отдернул руку:

— Ладно, знаю. Лу Шицзю тоже так говорил.

— Кстати! О чём ты там кричал? — спросил Сюэ Сянь.

Из-за окровавленной руки Лу Няньци он чуть не забыл спросить о главном.

— Да так... — сорванец смущённо пробормотал. — Стоял у борта, вдруг увидел под водой что-то тёмное, мелькнуло. Подумалось — волосы. Но, наверное, водоросли. Будь это человек, он бы всплыл, а не болтался бы на глубине.

Сюэ Сянь:

— Откуда знаешь? Видал такое?

— Видал, — ответил Лу Няньци. — Как житель речного берега — как не видеть? На реке даже ловцы трупов специальные есть. В этом году особенно много поднимали, только за осень и зиму раз пять видел.

Цзян Шинин рядом морщился, будто от приступа морской болезни.

Над рекой стелился густой снежный туман, белый и бескрайний, дальше взгляда не пронзить.

Но остров Могильный Холм, похожий на булочку, постепенно проступал в тумане, становясь всё чётче.

Сюань Минь стоял на носу, по-прежнему управляя лодкой тростниковым шестом. Сюэ Сянь, подперев подбородок, рассеянно водил взглядом по затянутой туманом воде, чувствуя какое-то беспокойство.

Не показалось ли ему, что его драгоценная золотая жемчужина с тех пор, как оказалась в потайном кармане монаха, ожила? Хотя явной связи с ней он по-прежнему не чувствовал, что-то неуловимое витало в воздухе.

Будто кто-то собирается тебя коснуться — и ты уже чувствуешь движение, хотя палец ещё в сантиметре от кожи.

На такое влияние он не жаловался.

Если этот лысый действительно сможет помочь восстановить связь с настоящим телом, Сюэ Сянь от всей души поблагодарит всех его предков до восьмого колена.

Но как ускорить процесс?

Сюэ Сяню стало не по себе. Не было надежды — и ладно, а теперь, когда забрезжил намёк, он загорелся нетерпением. Ведь бумажная оболочка и вправду слишком хлипкая, рвётся от любого движения, а это бьёт по достоинству, репутации и его величественному облику.

Подумав, негодая юркнул обратно в карман. Там он беспокойно повозился, подполз к жемчужине на дне и обхватил её.

Монашеская одежда из грубого холста была тонкой, а потайной карман прилегал прямо к животу монаха. Естественно, он почувствовал шевеление.

Повернув тростниковый шест, Сюань Минь нахмурился:

— Почему ты никак не научишься сидеть смирно? Что ты там устроил?

Голос Сюэ Сяня, приглушённый тканью, прозвучал глухо:

— Гребь свою лодку, не мешай. Я яйцо высиживаю, не отвлекай, надоел.

Сюань Минь: ...

К счастью, тот говорил тихо, и кроме монаха его никто не слышал, иначе Цзян Шинин точно бы подколот.

Фраза «высиживаю яйцо» настолько ошеломила Сюань Миня, что он на мгновение отвлёкся от реки.

И в этот миг под лодкой снова мелькнуло что-то тёмное... точнее, лодка прошла над этим тёмным пятном.

Лу Няньци, прислонившись к борту, краем глаза заметил это, но из-за скорости не разглядел. Снова показалось — волосы. Но ни бледного лица, ни тела не было видно. Так что он почесал мурашки на руке и немного успокоился.

Вскоре нос лодки с глухим стуком упёрся в камни.

— Приплыли, — едва лодка остановилась, Лу Няньци выпрыгнул на берег. Он указал на другую тень поодаль:

— Видите? Это лодка старика Лю. Это он привёз Лу Шицзю.

Остров Могильный Холм зарос диким лесом, припорошенным снежным туманом. Взглянешь вдаль — тёмные стволы деревьев маячат в белой пелене, самое место для нечисти.

Когда Сюань Минь ступил на остров, лес, словно почуяв что-то, встрепенулся от ветра.

Дзинь-дзинь...

Связка медных монет на его поясе вдруг зашевелилась, издав лёгкий звон.

— Что такое? — Сюэ Сянь высунулся подышать. — Что ты говорил? Жужжал как-то, не разобрал.

— Я не говорил. Что ты слышал? — нахмурился Сюань Минь. Этот негодяй от природы чуткий, всегда первым чует неладное.

Сюэ Сянь удивился:

— Как раз когда ты на берег сошёл, я жемчужину высиживал, и вдруг ты как забормотал что-то странное, на манер мантры, непонятное. Ты уверен, что не говорил? А чей же голос я слышал? Точно твой...

Он запнулся и сухо добавил:

— Только звучал издалека...

Цзян Шинин и Лу Няньци помолчали, затем одновременно обернулись и посмотрели за спину.

Стоило негодяю заговорить — и пошла жуть.

— Лекари в вашем уезде, видно, народ отважный, — сухо усмехнулся Цзян Шинин.

Лу Няньци ответил:

— Обычно тут не так. В последнее время почему-то туманы зачастили.

Цзян Шинин снова сухо усмехнулся: Без тумана тут, думаю, ненамного лучше.

— Погоди, этот пацанёнок — ладно, спина у него замёрзла, а ты-то на что оборачиваешься? — огрызнулся Сюэ Сянь. — Призраки разве призраков боятся?

Лу Няньци перестал смотреть назад и уставился на Цзян Шинина.

— Хоть немного логики, — медленно произнёс Цзян Шинин. — Обычные люди бандитов боятся, а я чем хуже? Почему мне призраков не бояться?

Лу Няньци взглянул на свою перевязанную ладонь, потом на хлипкое телосложение Цзян Шинина и решил, что тот, наверное, из безобидных призраков, не опасный.

— Кажется, опять что-то прозвучало. Слышали? — Сюэ Сянь произнёс загадочно. — Очень тихо...

Он, видимо, хотел убедиться, что Сюань Минь и вправду молчал, поэтому говорил, задрал голову и уставившись на монаха своим лицом с семью кровавыми дырами, с нарисованными тушью глазами, не моргая.

<http://bllate.org/book/16289/1467888>